

УДК 811.112

АРХИТЕКТОНИКО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТАСЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ирина Алексеевна Шипова

к. филол. н., профессор кафедры немецкого языка факультета иностранных языков
Московский педагогический государственный университет
119571, Москва, пр. Вернадского, 88. schipowa@mail.ru

В данной статье нарративный художественный текст предлагается рассматривать как метасемиотическое пространство, знаки в котором носят формализованный характер. Дается краткая характеристика метасемиотики как направления семиотических исследований. Различные виды передачи персонажной речи в художественном тексте представляются как архитектурно-речевые формы повествования (монолог или диалог). Они трактуются как инвентарные элементы метасемиотической системы, т.е. знаки со своими означающими и означаемыми. Означающие функционируют как формализованные текстовые элементы, служащие для выражения соответствующих смыслов, которые отражают различные виды персонажной речи: прямой, косвенной, несобственно-прямой, пересказанной и внутреннего монолога. Все эти виды составляют оппозицию речи автора. Несобственно-прямая речь, совмещающая авторскую и персонажную речь, представлена как разновидность персонажной речи с соответствующими прагматическими интенциями. Метасемиотическое пространство нарративного художественного текста строится посредством чередования композиционно-речевых и архитектурно-речевых форм повествования, а их координационные и субординационные отношения создают композицию и сюжет художественного произведения.

Ключевые слова: знак; метасемиотическое пространство нарративного художественного текста; прямая речь; косвенная речь; несобственно-прямая речь; внутренний монолог.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-59-65

Основоположителем семиотического направления в науке считается Ч.С. Пирс (1839–1914), который не только дал ему название, но и определил понятие знака, предложив соответствующую классификацию. Ч. Моррис, включивший семиотику в 1938 г. в энциклопедию знаний, писал: «...отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика – это наука в ряду других наук, а с другой стороны – это *инструмент наук*» [Моррис 2001: 46]. Данное положение предполагает, что во многих случаях семиотика представляет собой не только научное направление, но и метод, подход к науке, в основе которого лежит понятие знаков, позволяющее развернуть их в знаковые системы, наблюдать и анализировать процессы, происходящие на их базе в определенных семиосферах. Ю.М. Лотман в своем труде «Семиотика культуры и понятие

текста» пишет о двух тенденциях в динамике развития семиотики: одна из этих тенденций определяется как исследование семиотического функционирования реального текста и обозначается как собственно семиотика, другая названа им как стремление к созданию метасемиотики, объектом исследования которой становятся модели текстов, материализация структурных законов языка [Лотман 1992: 129]. Говоря о метасемиотике, следует обратиться к понятию метатеории, которая изучает синтаксические, семантические, прагматические и логические (специальные правила вывода) свойства систем с формализованным языком... [НФС 1997: 417]. Это, в свою очередь, предполагает, что объектом её исследования оказывается не столько содержание объекта, сколько его формальные свойства [ФЭС 2004: 498]. Таким образом, метасемиотика текста рас-

смачивает определенный тип текста с позиции составляющих его формализованных элементов определенной семантики, вступающих друг с другом в синтагматические отношения, приобретающие в соответствующем контексте некие прагматические свойства и служащие основой моделирования текстов данного типа.

Поскольку текстовые системы весьма разнообразны, то их неоднородность, наличие в некоторых типах текстов одних структурных элементов и их отсутствие в других, невозможность разработки единообразных приемов анализа при исследовании текстов различной направленности требуют их ограничения каким-либо одним образованием. В связи с этим мы ограничиваем данный материал нарративным художественным текстом (далее – НХТ), который был и остается самым распространенным среди жанрового многообразия художественных текстов. В отличие от традиционного лингвистического анализа, где предметом исследования выступают образные средства языка и достигаемый с их помощью эстетический эффект как результат их воздействия на адресата, метасемиотический анализ позволяет выделить структурно-семантические свойства и прагматическую направленность формализованных элементов НХТ, определив их место и значимость в текстовом пространстве. Семантическое пространство НХТ организуется благодаря построению содержательных связей, отражающих фиктивный (воображаемый) мир фикциональной реальности. Техники композиционного структурирования НХТ, многократно и успешно исследованные и проанализированные в рамках филологических дисциплин, показывают, что компоненты, из которых строится данный тип текста, образуют определенную замкнутую систему, носящую знаковый характер. В качестве знаков выступают фрагменты текста, отражающие в языковой форме некие прототипические ситуации внеязыковой действительности, имеющие признаки формализованности на уровне семантики, функционирующие в данной системе по законам синтагматической совместимости друг с другом и служащие средством реализации прагматической интенции продуцента текста. Таким образом, означающие в НХТ представляют собой элементы семиотической реальности, имеющие соответствующие означаемые в онтологической реальности [Соломоник 2006: 48], реализуемые и воспринимаемые в языковых характеристиках текста на всех его уровнях. Лексический уровень отражает тематический план повествования и формы его композиционно-речевой презентации. Грамматическое оформление представляет тип повествовательной

перспективы нарративного текста (например, наличие личных местоимений для обозначения повествователя или их отсутствие), синтаксис передает ритмику текста, влияя на степень его экспрессивности, включенности персонажей в процесс изображения художественного мира. Поскольку НХТ создается и воспринимается как некое коммуникативное пространство, функционирующее по особым законам художественного слова, а его элементы вступают во взаимодействие друг с другом, подчиняясь правилам смыслообразования в наррации, мы рассматриваем текст данного типа как метасемиотическое пространство со своим набором метазнаковых (т.е. свойственных данной системе) элементов.

НХТ отличается от других художественных текстов тем, что отражает реальность бытия; и хотя по своей сути он всегда остается неким вымыслом, читая романы, повести, рассказы, читатель размышляет над проблемами человеческого существования, переживая конкретные судьбы людей, кажущиеся реальными. Заложено в таких произведениях содержание имеет свою структуру – многочисленные исследователи НХТ выявили ряд типичных для неё элементов, имеющих признаки формализованного языка. Это, прежде всего, композиционно-речевые формы (далее – КРФ) повествования, составляющие в основном авторское изложение, имеющие типизированные лингвистические черты на семантическом и синтаксическом уровнях, выполняющие конкретные прагматические задачи. Неотъемлемой частью данного пространства являются также архитектурно-речевые формы (далее – АРФ), традиционно подразделяемые на монолог, диалог и полилог [Брандес 2004: 119]. КРФ как «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие её развитие и придающие ей целостность и законченность» [ИХТ 1989: 74], представлены единицами ментального формализованного языка в виде *сообщения, описания и рассуждения* и отличаются принципиально разным языковым оформлением [Брандес 2004: 119]. Каждая из КРФ соотносима с неким референтом во внеязыковой действительности и в общих чертах отражает подобный ей когнитивный процесс мыслительно-речевой деятельности. То же самое относится и к АРФ, которые реализуются в виде *чужой речи*, т.е. в виде включенных в авторское изложение высказываний персонажей. Они выделяются на фоне авторской речи и придают ей разнообразные стилистические оттенки [там же: 108]. Виды передачи чужой речи имеют также формализованные черты и входят в систему метазнаковых элементов, оп-

ределяющих содержательное и композиционное своеобразие НХТ. АРФ распознаются не только благодаря устоявшимся способам их введения в НХТ, их признаков в виде определённой семантики включенных в них высказываний, но и за счет разнообразных формальных маркеров. В авторском повествовании чужая речь актуализируется в виде прямой, косвенной, несобственно-прямой, пересказанной речи или как внутренний монолог. Отметим, что в других типах текстов АРФ не имеют столь разнообразных форм и проявлений и не решают столь сложные прагматические задачи, как это происходит в НХТ.

КРФ и АРФ представляют собой текстообразующие элементы НХТ, разнообразие их форм порождает множество ассоциативных связей, базой для которых является способность реципиента узнавать в прототипических ситуациях *сообщения, описания и рассуждения, в монологах и диалогах* повествования знаково-символические соответствия с внеязыковой действительностью, сопоставлять их с пространственно-временными параметрами коммуникативной ситуации и преобразовывать их в смыслы идейно-художественного уровня. Данные элементы кодируют денотативное содержание НХТ, дополняя его в контексте повествования необходимыми коннотациями. АРФ предполагают имитацию коммуникации персонажей, выступая её отражающими знаками, «определёнными» автором в процессе текстопроизводства. Они представляют собой важный композиционно-содержательный элемент структуры НХТ и, как правило, не заменяют КРФ. АРФ также влияют на общее смыслообразование текста благодаря тому, что в сознании его реципиента как носителя кодифицированного литературного языка сформирована ментальная коммуникативная пресуппозиция с определенными формами существования языка, с набором языковых средств их употребления и установления корреляции между ними [Антропова 2013: 8].

Прямая речь представляет собой своего рода «окно» в ситуацию непосредственного общения [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997: 1755] с сохранением содержания и формы сказанного. Благодаря этому читатель погружается в фикционально созданный мир, становится сопереживающим свидетелем непосредственного процесса коммуникации, воспринимая её содержание *de dicto* (т.е. в виде репортажа). Прямая речь передает все особенности живой речи как на лексическом (через предпочтения в словарном составе), так и на грамматическом уровне (в виде синтаксической формы предложения: эмфатического словоупорядка, наличия вокативов, формализованных

приветствий, признаков выраженной экспрессии [ibid.: 1759]; использования разного рода частиц, модальных слов, междометий и т.п.). Художественный текст позволяет также косвенно через графические средства и комментарии передать просодические характеристики коммуникации. Прагматическая интенция метазнаков прямой речи может состоять в передаче определенного эмоционального состояния персонажа, его отношения к представленной в повествовании ситуации, служить средством создания идейно-художественного образа говорящего.

Косвенная речь свойственна не всем типам текста [ibid.: 1757], она позволяет определённым образом отступить от содержания оригинального высказывания, сместить акценты в сторону, отвечающую интересам автора текста. С помощью глаголов, вводящих косвенную речь, или изменения порядка слов в предложении адресант может имплицитно или эксплицитно давать оценку сказанному, обращая внимание адресата на те детали, которые в оригинальном высказывании не воспринимались бы с должной очевидностью. В то же время в содержательном плане пропозиция исходного высказывания должна сохраняться неизменной. Косвенная речь – важный компонент текста с точки зрения его стратегии, предполагающий использование чужой речи в виде её интерпретации (*de re*) в противовес варианту *de dicto* [Гундарева, Кострова 2005: 34]. Как метазнаковый элемент НХТ она также может быть способом формирования характеристики героя через его опосредованное высказывание, а также через передачу им слов другого лица. Комментируя косвенную речь, автор имплицитно передает своё отношение к персонажу или дистанцируется от него. В результате косвенную речь можно рассматривать как средство отражения внутритекстовых отношений на уровне параллелей: персонаж – персонаж, персонаж – автор, а также на уровне автор – читатель, поскольку с её помощью продуцент текста направляет внимание реципиента на ту позицию и тем способом, который важен для формирования интереса последнего к повествованию.

Текст романа Клауса Манна «Мефистофель» (1936) позволяет проследить, как АРФ в виде фрагментов (1) и (2), вписанных в авторское повествование как элементы-знаки структуры НХТ, отражают возможные прототипические ситуации внеязыковой действительности и благодаря свойствам включенных в них языковых единиц раскрывают глубинные смыслы повествования.

(1) «Ist es nicht ein wunderschönes Fest!» *rief* die umfangreiche Gattin eines rheinischen Waffenfabrikanten der Frau eines südamerikanischen Diplomaten

zu. «*Ach, ich amüsiere mich gar zu gut! Ich bin so glänzender Laune, und ich wünschte mir, dass alle Menschen in Deutschland, und überall, glänzender Laune würden!*» [Kl. Mann 1986: 10].

Пример (1) иллюстрирует введение прямой речи в НХТ с помощью кавычек. Передача просодических характеристик речи персонажа происходит за счет её введения глаголом *zurufen* – *громко крикнуть* и за счет синтаксического оформления высказываний: риторический вопрос в начале прямой речи заканчивается восклицательным знаком, повтор элементов и междометия свидетельствуют о восхищении событием. Данное монологическое высказывание встраивается в контекст описания праздника по случаю дня рождения премьер-министра правительства фашистской Германии. Речь персонажа – супруги владельца военного завода – отражает не только восторженное отношение к празднику, но и идеологическую позицию представителей немецкого высшего общества тех лет. Она манифестируется в экспрессивных единицах языка и характеризует прототипическую коммуникативную ситуацию, которая в данном контексте носит знаковый характер.

Фрагмент (2) демонстрирует имплицитно выраженное отношение автора текста к информации, представленной в косвенной речи:

(2) *In schwärmerischen Tönen schilderte der Brief den überlegenen Charme, die Klugheit, Sanftmut und Würde der Lindenthal. Man durfte - nach Angelikas Meinung – sicher sein, dass diese herzensgute und liebevolle Dame ihren mächtigen Freund in jeder Hinsicht auf das günstigste beeinflussen werde* [ibid.: 205].

В (2) чрезмерно высокая оценка актрисы Лотты Линденталь – подруги премьер-министра, известной своей бездарностью и недалеким умом, – данная в письме Анжелиной Зиберт, маркируется использованием презентного конъюнктива. Так автор дистанцируется от написанного, явно не разделяя данных персонажем оценок. В контексте повествования это важный сюжетный момент, актуализирующий три смысловые позиции: персонажа, автора и протагониста, который должен принять решение о возвращении в нацистскую Германию. Метасмысловая нагрузка данного фрагмента-знака в тексте дает читателю возможность спрогнозировать развитие событий и определенным образом их оценить. Таким образом, совмещение семантики лексических и грамматических элементов фрагмента (2) позволяет автору включить в повествование метазнак в виде косвенной речи и заложить в него таким образом необходимый метасмысл.

АРФ может реализовываться в НХТ в виде

несобственно-прямой речи, выделяемой в типологии повествовательных форм Е.В. Падучевой как несобственно-прямой дискурс [Падучева 1995: 339]. Она формируется на основе слияния перспектив автора и персонажа, к тому же она особым образом взаимодействует с сюжетной линией повествования и отличается набором специфических лингвопрагматических признаков. От авторского повествования её отличает прономинальная транспозиция, темпоральный сдвиг, особенности модально-прагматического и синтаксического аспектов [Омелькина 2007: 8–9]. Несобственно-прямая речь является совмещением объективного авторского плана и субъективного плана персонажа при их относительном равновесии [ИХТ 1989: 107]. Это ещё один элемент НХТ, который обладает метасмыслом, поскольку позволяет передать мысли протагониста и дать им имплицитную оценку.

(3) Auch hieran *hatte* Hendrik schon *gedacht*. Der Rausch *seiner* Verliebtheit, der anhielt – oder von dem *er* doch gern glauben wollte, dass *er* dauerhaft sei –, vermochte Erwägungen kühlerer Art nicht ganz zu verdrängen. Geheimrat Bruckner war ein großer Mann, auch nicht arm; die Verbindung mit seiner Tochter würde Vorteile bringen, neben allem Glück. – Hatte Nicoletta recht mit ihren zynischen und dezidierten Reden? Erwog Barbara die Möglichkeit einer Verbindung mit Hendrik Höfgen? Wie weit ging ihr Interesse an ihm? War es nicht nur spielerischer und oberflächlicher Natur? Ihr Madonnengesicht mit dem spitzbübischen Zug war undurchschaubar. Nichts verriet ihre von goldenen Tönen gesättigte, tiefe, klingende Stimme. Was aber verrieten ihre forschenden Augen, die so oft mit Neugier, mit Mitleid, Freundschaft, vielleicht mit Zärtlichkeit auf Hendrik gerichtet waren? [Kl. Mann 1986: 94].

Фрагмент (3) представляет собой сращение авторского повествования и мыслей главного героя романа. Позиция автора ни в коей мере не может совпадать с персонажной, что понятно каждому читающему роман «Мефистофель». Несобственно-прямая речь позволяет раскрыть скрытые интересы протагониста, существенно обогащая таким образом сюжетную линию произведения. Прономинальная транспозиция типичного для прямой речи 1-го лица ед.ч. в 3-е лицо ед.ч. (*er* /*seiner*), возникновение плюсквамперфекта как отсылка ко времени возникновения идеи о выгодной женитьбе, предшествующему моменту речи, синтаксическая трансформация повествования в вопросный комплекс – данные языковые характеристики иллюстрируют особенности и прагматические возможности несобственно-прямой речи как метазнака в НХТ, с по-

мощью которого автор вскрывает суть образа персонажа.

Значимая разновидность АРФ – внутренний монолог – представляет собой сложную форму одностороннего речевого общения индивида с самим собой, посредством которого фиксируются результаты внутреннего мыслительного процесса и для которого характерно единство темы [Сергеева 2006: 6].

(4) ‚Wo bin ich nur?‘ dachte der junge Herr – er kam aus einem der skandinavischen Länder – ‚Der Ort, an dem ich mich befinde, ist ohne Frage sehr lieblich und verschwenderisch ausgestattet; dabei aber auch etwas grauenhaft. Diese schön geputzten Menschen sind von einer Munterkeit, die nicht gerade vertrauenerweckend wirkt. Sie bewegen sich wie die Marionetten – sonderbar zuckend und eckig. In ihren Augen lauert etwas, ihre Augen haben keinen guten Blick, es gibt in ihnen soviel Angst und soviel Grausamkeit‘ [Kl. Mann 1986: 8].

Фрагмент (4) как внутренний монолог отличается от прямой речи только его введением глаголом *denken* (думать), что, с одной стороны, оставляет без изменений языковое и графическое (речь взята в одинарные кавыки) оформление текста, а с другой – демонстрирует, что подобные речи в Третьем рейхе были непозволительны даже для представителей иных государств. Оформляя подобное высказывание в виде внутреннего монолога, автор выражает собственную идеологическую позицию относительно фашистской диктатуры в Германии и противопоставляет её позиции, выраженной в (1). Таким образом он решает важную прагматическую задачу в рамках повествования: АРФ позволяют Кл. Манну создать типологический портрет эпохи, выраженный различными видами передачи персонажной речи, каждый из которых распознается реципиентом текста за счет сформированной в сознании реципиента текста ментальной коммуникативной пресуппозиции с определенным набором языковых средств семантической и синтаксической направленности, реализующих необходимую автору прагматическую интенцию.

Наконец, пересказанная речь лишь с оговорками может быть определена как вид АРФ, так как она представляет собой передачу чужого высказывания в сокращенной форме, ограниченную перечислением пропозиций, названием темы и т.п. [Брандес 2004: 123].

(5) Frau von Herzfeld hatte Hendrik *aufgefordert*, noch eine Tasse Kaffee mit ihr zu trinken [Kl. Mann 1986: 49].

(6) Die Ausländer, die sich eine Woche in Berlin und einige Tage in der Provinz aufhielten – englische Lords, ungarische Journalisten oder italienische

Minister –, *rühmten* die tadellose Sauberkeit und Ordnung, die ihnen auffiel im erniedrigten Lande [ibid.: 317].

Однако примеры (5) и (6) показывают, что пересказанную речь не следует игнорировать как незначимый элемент текста, поскольку она может не только быть малосущественным дополнением к повествованию, как в (5), но и, передавая суть пропозиции, влиять на содержание НХТ, как в (6), положительно или отрицательно его коннотируя.

Виды передачи чужой речи как единицы текста носят формализованный характер, поскольку они выделяются на общем фоне повествования за счет ряда типичных языковых черт и формальных маркеров. Мы считаем правомерным рассматривать их как метазнаки замкнутой структуры НХТ, которые вписываются в его метасемиотическое пространство и, в некотором смысле, составляют оппозицию КРФ, обычно представляющим авторскую речь. Наряду с композиционно-речевыми формами повествования АРФ выступают как формальные элементы презентации наррации [Жиличева 2014: 138], благодаря которым читатель может видеть изображаемые события в перспективе говорящего. Языковые особенности форм передачи чужой речи существенно влияют на восприятие текста, позволяют автору реализовать такие прагматические задачи, как характеристика персонажа, выражение его эмоционального состояния или его идейной позиции в контексте наррации. Метасемиотическое пространство НХТ строится посредством чередования КРФ и АРФ, а их координационные и субординационные отношения создают композицию и сюжет художественного произведения [Щирова, Гончарова 2007: 235].

На наш взгляд, рассматривая структурные элементы НХТ с позиции метасемиотического подхода, исследователь невольно проводит многофакторное исследование языковой действительности, которое способствует, по мнению С. В. Шустовой, выявлению системной множественности функциональных свойств единиц языка [Шустова 2010: 38].

Список литературы

Антропова Л.И. Вариативность языковой нормы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 35(326). С. 8–10.

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.

Гундарева У.С., Кострова О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточ-

ным объектным). Тольятти: ТТУ, 2005. 130 с.

Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1989. 208 с.

Жиличева Г.А. Способы риторической индексации нарративной стратегии (на материале романов К. Вагинова и Б. Пастернака) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2. С. 134–140.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.

Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы): дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 150 с.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1995. Т. 54, № 3. С. 39 – 48.

Сергеева Ю.М. Эволюция стилистического приема «внутренняя речь» в английской художественной литературе. М.: Готика, 2006. 220 с.

Соломоник А. Парадигма семиотики: очерки по общей семиотике. Минск: МЕТ, 2006. 335 с.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта; Наука, 2004. 253 с.

Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Кн. дом, 2007. 472 с.

Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь: ПГУ, ПСИ, 2010. 248 с.

Mann Kl. Mephisto. Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1986. 340 S.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin; New-York: Walter de Gruyter, 1997. 2500 S.

References

Antropova L.I. Variativnost' jazykovej normy [Variability of language norm]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk state university bulletin]. 2013. Iss. 35(326). P.8–10.

Brandes M. P. *Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs* [Stylistics of text. Theoretical course]. Moscow,

Progress-Traditsija Publ.; INFRA-M Publ., 2004. 416 p.

Gundareva U.S., Kostrova O.A. *Semiotika kosvennosti v nemetskom jazyke* (na materiale slozhno-podchinennykh predlozhenij s pridatochnym ob'ektnym) [Semiotics of indirectness in the German language (a case study of complex sentences with a subordinate objective)]. Tolyatti: TTU Publ., 2005. 130 p.

Domashnev A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. *Interpretatsija khudozhestvennogo teksta: Nemetskij jazyk. Uchebnoe posobie* [Interpretation of literary text: the German language. Study guide]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989. 208p.

Zhilicheva G.A. Sposoby ritoricheskoy indeksatsii narrativnoj strategii (na materiale romanov K. Vaginova i B. Pasternaka) [Methods of rhetorical readjustments of narrative strategy (a case study of K. Vaginovs and B. Pasternak's novels)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss.2. P. 134 – 140.

Lotman Ju.M. *Semiotika kul'tury i ponjatie teksta. Izbrannye stat'i* [The semiotics of culture and the concept of text. Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992. P. 129–132.

Morris Ch. W. Osnovaniya teorii znakov [Basis for the theory of signs]. *Semiotika: Antologija* [Semiotics: Anthology]. Comp. by. Ju. S. Stepanov. 2nd ed., corrected and completed. Moscow, Akademicheskij projekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaja kniga Publ., 2001. P. 45 – 97.

Novejshij filosofskij slovar' [The latest philosophical dictionary]. Ed. by A.A. Gritsanov. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998. 896 p.

Omel'kina, O. V. *Nesobstvenno-prjamaja rech' kak lingvopragmaticheskaja kategorija* (na materiale nemetskojazychnoj prozy) [Experienced speech as a linguopragmatic category (a case study of German prose). Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2007. 150 p.

Paducheva E.V. V.V. Vиноградов i nauka o jazyke khudozhestvennoj prozy [V.V.Vinogradov and the science about the language of artistic prose]. *Seriya literatury i jazyka* [Series of literature and language]. Vol. 54. Iss. 3. 1995. P. 39 – 48.

Sergeeva Ju.M. *Evoljutsija stilisticheskogo priema «vnutrennjaja rech'» v anglijskoj khudozhestvennoj literature* [Evolution of the stylistic method “internal speech” in English fiction]. M., Gotika Publ., 2006. 220 p.

Solomonik A. *Paradigma semiotiki: ocherki po obshhej semiotike*. [Paradigm of semiotics : essays on general semiotics]. Minsk, MET Publ., 2006. 335 p.

Solganik G.Ja. *Stilistika teksta* [Stylistics of text]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2004. 253 p.

Filosofija: entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Ed. by A.A. Ivina. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p.

Shhirova I.A., Goncharova E. A. *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsija* [Multidimensionality of text: understanding and interpretation]. St. Petersburg, Izd-vo Knizhnyj dom Publ., 2007. 472 p.

Shustova S.V. *Funktsionalnye svojstva kuzativnykh glagolov: dinamicheskij podhod* [Functional properties of causative verbs: dynamic approach]. Perm, Perm State Univ., Prikamye Social Institute Publ., 2010. 248 p.

Mann Kl. *Mephisto*. Berlin, Leipzig, Aufbau-Verlag, 1986. 340 p.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin, New-York, Walter de Gruyter, 1997. 2500 p.

ARCHITECTONIC SPEECH FORMS OF NARRATION AS A COMPONENT OF METASEMIOTIC SPACE IN GERMAN FICTION TEXTS

Irina A. Shipova

Professor in the Department of German language
Moscow State University of Education

Narrative fiction text is considered in this article to be metasemiotic space in which different forms of characters' speech are regarded as architectonic speech forms of narration (monologue or dialogue). Different types of speech are treated as signs with signifiers and signified. Signifiers function as formalized text elements which serve to express the corresponding ideas conveyed by various kinds of characters' speech: direct, indirect, free indirect speech, retelling and inner monologue. All these kinds oppose to the author's speech. Free indirect speech, which combines the author's and characters' speech, is treated as a kind of characters' speech with the corresponding pragmatic intentions. Metasemiotic space of narrative fiction text is created by means of alternate speech forms of narration (both compositional and architectonic ones), with their coordination and subordination forming the composition and the plot of a literary work.

Key words: sign; metasemiotic space of narrative fiction text; direct speech; indirect speech; free indirect speech; inner monologue.